

А. Ф. Вельтман

Кощей бессмертный

Былина старого времени

Вельтман А. Ф. Романы / Сост., вступ. статья В. И. Калугина; Послесл. и коммент. А. П. Богданова.-- М.: Современник, 1985. (Из наследия).

[OCR Бычков М. Н.](#)

Часть первая

I

Слишком за четыре столетия до настоящего времени, в Княжестве Киевском, в селе Облазне, за овинами, на лугу, взрослые ребята играли в *чехорду* {*}.

{* Татарская игра, называемая Чахорды. Одна часть ребят становятся друг за другом, согнувшись, и составляют таким образом из спин мост; другие, по очереди, разбегаются и должны, перепрыгнув через всех, сесть на спину переднего. Который не перепрыгнет, на том ездят верхом. (Прим. Вельтмана.)

Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, подстрочные примечания Вельтмана. Все выделения в тексте курсивом также принадлежат Вельтману; выделенные слова, как правило, объясняются в подстрочных примечаниях или комментариях.-- А. В. }

-- Матри, матри, Вась! -- вскричал один из наездников, рыжий молодец; надулся, размахнул руками, раскачался, бросился вперед, как испуганный теленок, и -- скок через восемь перегнутых в дугу спин.

-- А! на девятой сел! -- вози! -- раздался голос из-за забора.

Этот голос был знаком нашим наездникам. Все выправились и сняли шапки перед баричем.

-- Ну! ты, Ионка,-- колесница, ты, Юрка,-- конь! -- вскричал он и длинным арапником вытянул коня вдоль спины, а другим ударом смазал колеса у колесницы.

Ион и Юрка зачесали голову, стиснули ясные очи, развесили губы; крупные слезы брызнули как из родника. Барич не смотрел на их прискорбие. Юрку взнуздal он длинной тесьмой, которую всегда носил с собою, на всякий случай, вместо вожжей, вместо своры и вместо узды; выправил ее, вскочил на спину Иона, хлопнул бичом по воздуху, свистнул, гаркнул: "На дыбы! катись!" -- и отправился вдоль по селению.

Крестьяне кланялись в землю баричу, будущему своему господину-милостивцу.

Это обстоятельство осталось бы, верно, в забвении, подобно многим, по наружности ничтожным, а в сущности важным обстоятельствам, на которые История не обращает своего заботливого внимания, если б я не последовал иступленной моде писать Романы и не подражал Апулею, Петронию, Клавдию Албинию, Папе Пию 11-му, Гелиодоту и всем, всем древним, средним и новым романистам.

Бедный читатель! Кто не пользовался твоею слабостью, твоей доверчивостью! Кто не водил тебя по терниям слога, по развалинам предмета, по могилам смысла, по пучине несообразностей?

Баричу было уже лет около двадцати от роду. Он был среднего роста, как вообще все великие люди; был здоров и красен лицом.

В настоящее время его родительница положила бы единородного своего сына на картах бубновым королем.

Всех прочих телесных и душевных достоинств его невозможно передать несколькими словами. Время и подвиги, которые отличают героев и гениев от людей обыкновенных, покажут потомству: кто был барич и как его звали, величали.

Но кто бы отказался взглянуть, как барич едет верхом на Юрке, как на коне Актазе Мстислава Мстиславича, *якого же в та лета не бысть*; как склонилась набок его красивая шапочка, *как злат шелом посвечивая*; как распахнулись узорчатые полы татарского халата; как старый Тир, пестун барина, трух,